

ПОВЕСТЬ Альберта Лиханова «Высшая мера», напечатанная в журнале «Знамя» № 4 за 1982 год, читается без отрыва, но очень нелегко читается, и, будучи «короткой» повестью, она вместила в себя целый жизненный роман. Драматичный. Современный.

Признаться, я начинал читать повесть настороженно и даже с некоторым недоверием. Повествование ведется от первого лица. Это не ново. И даже модно. Но вот лицо — непривычное — пожилая женщина рассказывает о себе и о своей небольшой семье в момент ее развала, и даже не развала — кончины, краха.

Быть может, обаяние этой повести состоит в том, что она ведется «по законам» бесхитростного, дорожного рассказа о себе, о судьбе своей, о своих близких. Были, были такие времена, когда проснешься среди ночи в качающемся, мерно постукивающим вагоне или в парохолде, пошлепывающем плечами по воде, где-то чуть теплится свет, в полутьме загораются от зажатки и гаснут неторопливые сигарки, и тихий чей-то голос, со вздохами, перерывами, ведет, ведет нехитрую историю по извилистым жизненным дорогам.

Как много счастливых повторений тех дорожных историй оказалось в русской литературе.

Не меняются времена. Мы уже чаще летаем, если же ездим, то не в общих, в купейных вагонах, плаваем — не на палубе, а в каютах. Какие уж тут «беседы»? Тут продолжение одиночества, так неожиданно захватившего нас в толпе городских людей, одиночества, кажущегося нам удобным, спасительным.

До поры, до времени.

Вот она, славная, добрая, самоотверженная женщина — Софья Сергеевна, обыкновенная работница обыкновенной студенческой библиотеки, едет в двухместном вагоне купе одна, оглушает себя сновторным, чтобы хоть на минуты забыться и забыть, да плохо у нее это получается, и побеседовать возможно только с одним человеком — с собою. Пробует милая вагонная проводница «завязать разговор», развешивая явно чем-то расстроенную и большую пассажирку, но даже и этот привычный, «бабий» контакт не налаживается...

Да и как ему наладиться? Сердце надорвано. Жизнь сломлена. И если бы одна ее жизнь! У всех ее близких и у рамой Софьи Сергеевны отныне все пойдет по-другому, не лучшему «пути».

Жили-были две сестры: Софья и Женечка. В трудное время, в войну, разом осиротели. И вот не когда-нибудь, в самый тяжкий период войны Женечка влюбилась. Ну, конечно же, по всем законам «жесточкой» вагонной истории, влюбилась в героя, в настоя-

2207

СУД СОВЕСТИ

щего Героя Советского Союза. Да кабы одна влюбилась — и сестра ее, Софа-то, тоже «тайно страдала» по герою, хотя, как мне кажется, это уже лишковато даже для истории, построенной по старым добрым законам увлекательного дорожного повествования. Не избежал автор и других излишеств, увлечет, видно, не очень строг и взъяскален был местами к себе и в своим героям. Бывает это, и не с одним Лихановым, когда материал одолевает автора и правит им.

Одним словом, «роковая» любовь привела к тому, что у Женечки родился сын Саша, потом и дочь Аля. Но Аля родилась уже после смерти отца, погибшего не в бою, а от бандинского ножа.

И вот Софа, после смерти сестры Женечки, забирает малышкой, уезжает в провинциальный город и там «растит» «сына и дочь», которая от родовой травмы остается навсегда больной, искалеченной и которая, кстати, не произнесла ни одного слова, не сделав ни единого шага, тем не менее наполняет повесть таким добрым теплом, высветляет таким ясным светом, что, казалось бы, к безысходной истории ее и семьи Софьи Сергеевны относиться не только с сочувствием, но и с долей любви и надежды.

Итак, маленький домашний мир, полный забот о хлебе насущном, каждодневная, привычная и любимая работа в очень небольшом и славном коллективе, веселый народ

студенты, среди которых оказывается и Саша, несколько вялый по жизни парень, однако с очень мастеровыми и ловкими руками, что совсем немудрено — вырос-то среди бабья, и надо было рано делать по дому мужскую работу. Они встречаются нынче, эти малолетние «мужики», берущие на себя мужские заботы, помогающие матерям-одиночкам исполнять ту работу, которую не хотят делать иные «папы», толпящиеся возле какой-нибудь заплеванной пив-

нущки или пьяно гогочущие по чужим подъездам.

Будучи студентом, Саша встречал студентку Ирину и женился на ней. Ну что ж, в общем-то, типичная история: Только вот в квартирке сделалось еще теснее и материальное еще труднее — Саша, окончив институт на тройки, остался учителем в школе, тоже средненьким, а вот его жена — отличница — осталась вовсе без работы — она «испаниска», в «испанцах» же этот провинциальный город не нуждается. Есть дватри преподавателя, и единственный вариант — выгнать одну из испанисток и взять Ирину, тем более, что она «молода, красива, а молодость — бесспорное преимущество перед старостью».

Свекровка, Софья Сергеевна, вроде бы и в шутку, передала невестке эти слова ректора по учебной части, но невестка-то отнеслась к ним всерьез, сама решила устраивать свою судьбу, и устроила! Попробовала один, другой костюм — и вот достигла своего, определилась секретаршей к директору огромного завода.

Директор так и останется ее, Ирины, восторженным воздыхателем, но все, что надо и возможно от него получить, Ирина получит, даже путь в столицу ей, а следовательно, и муженьку ее с «золотыми руками» откроется.

Там захочется супругам маленько обзавестись, пожить «для себя», да где граница этого «маленького», кто ее указал? Нет такой границы, что со всею очевидностью доказывает нам окружающая

жизнь и наша повседневная действительность подает беспрерывные примеры тому, как рвутся души, судьбы, семьи под напором алчности, все возрастающих «потребностей», страсти к накопительству, или «вещизму», как это ныне называется.

В другом месте, в другой семье это было бы «в самый раз», радостью, б и счастьем, может, почиталось бы накопительством, сделалось бы смыслом жизни, но куда же деть влияние старой, щепе-

тильной библиотекарши, всю жизнь экономившей рублевки и копейки и при первой же возможности купившей новое синее платье «благодетельнице Марии», которое та, впрочем, лишь примерив, передала Ирине. «Справились» с ее моралью и влиянием невестка и сын, трудно, не до конца, но справились, разошлись благополучно или, как нынче принято говорить, «разбежались», выгодно для себя: Саша пристроился возле денежной вдовы, Ирина, при его полете, хватанула и того выше — вышла за дипломата.

«Тебе трудно, понимаю, такие новости», — говорит матери сын и говорит-то обиженным голосом. — Но я, кажется, впервые счастлив. Меня любят. Я люблю тоже...»

Вот такая мораль: «Я — счастлива», «Меня любят», «Я, я, я, мое» Ну, а где же мать? Где несчастная сестра, к которой даже суровая и сдержанная Ирина относилась с нежностью и состраданием. Где, наконец, сын, Игорь, которого родители «вырвали» у строптивой, непокладистой бабушки, избавившись от нее и от ее надоедливой досмотры...

А сын Игорек, подросток еще, учащийся школы, живет, оказывается, один в хорошо обставленной квартире, с холодильником, набитым едой «по крайней мере на семью из трех человек». Мама приезжает ухаживать в квартиру сына, папа навещает его, интересуется учебой, отвлекает и развлекает...

Превосходно написана сцена «торжества», во время

которой не покидает читателя чувство нарастающей тревоги и протеста. Но, как мыслит героиня повести, «не так-то просто стереть доброту», да и не купить ее ни за какие деньги, ни за какие вещи — самое бескорыстное и самое бесценное, что было и есть на свете, — это она, доброта, и сколько бы ни пытались исказить, обезобразить ее смысл и суть — ничего не выйдет: добро со злом «несовместно», как «гений и злодейство...»

Игорек и десять классов не закончит, и до другого дела не дойдет — он разобьется на том самом мотоцикле «Ява», который ему преподнесли родители в честь окончания девятого класса. Его незрелую душу разорвут надвое — с одной стороны, изверженная во всем, в каждом шаге и поступке ложная жизнь родителей, и с другой — такая простая, но праведная жизнь Софьи Сергеевны, которая и бабкой-то ему не была — он узнал об этом, догадался «узнать», а вот родители, те, как говорится, так и «не доспели». Она не бросила большую девочку и маленького мальчика. «Чего в этом особенного? — ворчит бабка в ответ на вопрос внука. — Без них мне было бы в тысячу раз хуже». Хуже ли? Могла ведь выйти замуж, нарожать своих детей, испытать полноценное чувство материнства...

А долг? А исполнение простых человеческих обязанностей? «И мыслимо ли все рассчитывать?... Мыслимо ли добиться счастья, думая лишь о себе?»

Нет, не мыслимо! — отвечает всем своим строем, тоном и словом повесть Альберта Лиханова: «Простец невольный да простится, расчет лукавый — никогда!» — сказал великий наш современник и поэт.

И вот они, двое, провожают бабку домой — все трое чужие друг другу, разъединенные смертью любимого, ни в чем не повинного человека, бегут за вагоном, приговорившие сами себя к «высшей мере» — к вечной вине и муке, и спрашивают взглядом: «Как теперь жить?»

Нелегкий, современный, назревший для героев книги вопрос. Тревожная повесть. Серьезная литература.

Виктор АСТАФЬЕВ.